

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ НАШ КРАЙ И ХОЧЕТ ЗНАТЬ ЕГО ИСТОРИЮ

Приложение к газете «Вперед», № 2 (50), апрель 1999 года

ЮБИЛЕЙ С ПРИВКУСОМ ГОРЕЧИ И НАДЕЖДЫ

Вы держите в руках 50-й номер "Краеведческого вестника". Он живет на страницах газеты "Вперед" без малого пять лет — с июля 1994 года. Создан по инициативе клуба любителей истории и краеведения "Хронос", который тогда только начал ратовать за создание в городе краеведческого музея. Нужна была информационная поддержка этой идеи, и "Краеведческий вестник" стал как бы мостиком между создаваемым музеем и горожанами.

События развивались стремительно. Идея, поддержанная главой района и руководством историко-художественного музея-заповедника, быстро воплощалась в жизнь через выставки, литературные вечера и, конечно же, через материалы нашего "Вестника".

Я пишу эти строчки в новом здании краеведческого отдела в Овражном переулке и думаю: не будь "Краеведческого вестника", может, и не состоялось бы открытие музея 1 сентября прошлого года. Ведь именно через наш "Вестник" мы обратились к главе района В. Д. Гончарову с просьбой передать здание бывшего детского сада под экспозицию истории местного края XX века. И были услышаны.

Уверена, будем услышаны и сейчас. Дом в Овражном — в беде. Всего четыре месяца проработал музей, открытый на его втором этаже. И был закрыт сразу же после рождественских елок. Пожарные опечатали здание, объяснив это тем, что строительные недочеты первого этажа создают опасность возникновения пожара. Пожарные по-своему правы. Но как быть музею-заповеднику (экспозиция в Овражном находится в его подчинении), если это закрытие совпало с серьезными финансовыми проблемами? Ремонт остановлен по банальной причине — нет средств.

Обидно: открыли музей, чтобы через четыре месяца закрыть. Нам, сотрудникам музея, горожанам, детям, гостям нашего города остается надеяться на то, что и на этот раз районная администрация поможет музею в трудный час: поможет открыть музей, поможет в комплектовании фонда, в благоустройстве территории.

Сегодня вышел юбилейный, 50-й номер "Краеведческого вестника". Мы благодарим всех его авторов, наших читателей, клуб "Хронос", редакцию газеты "Вперед" за участие, помощь и взаимопонимание.

Будем, как и прежде, работать вместе.

Лидия ГИРЛИНА,
редактор "Краеведческого вестника".

Земляки

БОЕВОЙ ОРДЕН ОЛЬГИ ЯКИМЧУК

Ольге Ивановне Якимчук в этом году исполняется 80 лет. Доброжелательная и общительная, она известна чуть ли не каждому жителю южной части нашего города, где живет и где с 1947 года работала участковым детским врачом. Теперь уже с трудом взбирается она в автобус, но тут же бывшие пациенты предлагают ей место, а "честь" такая, увы, у нас далеко не всегда и не каждому нуждающемуся оказывается.

Ольга Ивановна ленинградка. В 1941-м ей досрочно вручили диплом врача военного времени, и стала она лечить детисек блокадного города. В начале 1943-го ее мобилизовали и направили в 196-ю стрелковую дивизию, которая прибыла в Гатчину из-под Москвы, где в Кубинке переформировывалась после сталинградских боев. С частями дивизии пришел и знакомый Ольги Ивановны со студенческих лет, загорчанин Клавдий Иванович Якимчук — будущий ее супруг. После войны он работал заведующим железнодорожной аптекой в Загорске.

Ольга Ивановна была приписана к отдельному медико-санитарному батальону и до конца войны служила в хирургическом взводе. Военной специальностью ее стала хирургия конечностей. При ранении в грудь, голову, в полость живота помощь оказывали другие врачи. Оперировали раненых в палатках, на шести столах, иногда по трое суток подряд. Порой, чтобы хирурги не падали от усталости, сестры вводили им под лопатку растворы тонизирующих средств. Когда удавалось, спали в этих же палатках на еловом лапнике. Бывало, в морозы волосы примерзали к иглам.

Медико-санитарный батальон двигался по Ленинградской области в сторону Прибалтики. Часто приходилось догонять свою часть, попадать под обстрел, так как не успевали отправить раненых в эвакогоспиталь из-за положенных по уставу послеоперационных сроков.

Так было и на этот раз. Ольгу Ивановну оставили в деревне Наумово с медицинской сестрой, бойцом охраны и санитаром для погребений. Ожидали скорого прибытия госпиталя, который должен был забрать раненых.

Разместили всех, как позволяли условия и как требовалось: командный состав — в школе, рядовой — в землянках. Под голову каждому положили металлический пенал с документами и стали ждать, поддерживая раненых лекарствами.

Ждут день, ждут другой...

Водители проезжающих мимо машин без лишних слов сгружали раненых, по-

добранных в пути. Многие из них нуждались в операциях, которые производить здесь было нельзя: негде и нечем. Ольга Ивановна вынуждена была делать только крайне необходимые разрезы тем, у кого начиналась гангрена. Возникла и проблема с питанием. Маленький коллектив под руководством Ольги Ивановны добывал пищу, где только можно.

Со слезами медики умоляли проезжающих переправить раненых, нуждающихся в операциях, в ближайший госпиталь и сообщить о бедственном положении отряда. А дни все идут...

Однажды "лазарет" Ольги Ивановны окружили легковые машины, из них высадились военные. Бегло окинув взглядом хозяйство, потребовали начальника. И вот перед генералом, членом Военного совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым предстала маленькая 25-летняя женщина в окровавленном халате, не спавшая уже шесть суток. Последовавший разнос с угрозой расстрела она, преутомленная моральной ответственностью и физическим напряжением, восприняла как-то тупо. Прибывшие приступили к детальному осмотру и опросу. Все раненые, как один, встали на защиту своей спасительницы, помогавшей им выжить до этого "судного дня". Жданов успокоился, осознав положение, и неожиданно, сняв свой орден Красной Звезды, приказал подчиненным оформить его на Ольгу Ивановну. Но у сопровождавших Жданова нужных бумаг не оказалось, и орден был вручен Ольге Ивановне в октябре 1944 года по прибытии в дивизию, которая уже вливалась в Прибалтийский фронт.

А долгожданный госпиталь прибыл вскоре после этого события. Оказалось, что задержка произошла из-за свадьбы его начальника, которую широко отмечал весь личный состав. Спустил короткое время, фронтовая газета сообщила о расстреле госпитального руководства, увлекшегося личными проблемами в ущерб своему долгу.

Т. БУДНИКОВА.

КАЛЕНДАРЬ «КВ»

АПРЕЛЬ

В апреле 1559 г. (440 лет назад) произошел пожар в Служней слободе Троице-Сергиева монастыря. Слобода, занимавшая территорию между современными улицами Митькина и Карла Маркса, полностью выгорела.

4 апреля 1939 г. (60 лет назад) президиум Загорского райисполкома утвердил решение городских властей о закрытии Воскресенской (Петропавловской) церкви. Тот факт, что церковь построена на месте ожесточенных

стычек между защитниками осажденной Троицкой обители и поляками в начале XVII в., что место это "покроплено быть христианского кровию, яко дождевыми каплями", не был принят во внимание.

6 (18) апреля 1879 г. (120 лет назад) состоялось "высочайшее" утверждение устава Александро-Мариинского дома призрения — крупнейшего благотворительного учреждения в Сергиевом Посаде.

Дом призрения (позже здесь разместилась трикотажная фабрика) объединял приют для 30 девочек-сирот, женскую богадельню на 100 человек, женскую странноприимную на 500

УСТАВЪ

Александро-Мариинского Дома Призрения.

мест, больницу на 30 коек и училище для 165 мальчиков, 65 из которых находились на полном содержании дома призрения, а остальные бесплатно получали начальное образование.

8 (20) апреля 1879 г. (120 лет назад) на

Московскую митрополицию кафедру вступил Макарий Булгаков (1816 - 1882).

11 апреля 1919 г. (80 лет назад) в пятницу, на шестой неделе великого поста советскими властями, в присутствии нескольких монахов и наместника Лавры архимандрита Крониды, было произведено вскрытие мощей преподобного Сергия в Троицком соборе. Процедура фиксировалась на киноплёнку, которую вскоре показывали на экранах кинотеатров.

12 (24) апреля 1849 г. (150 лет назад) Троице-Сергиеву лавру посетили члены императорской семьи. Лавра тщательно подготовилась к встрече высоких гостей: в Москве для них были закуплены виноградные вина, стерляди, судаки, леши, пескари (было время поста), апельсины, лимоны и свежие груши, печенье и "разное пироженное". Гости также не остались в долгу: они пожертвовали 1500 рублей серебром на лаврские богоугодные заведения.

13 (26) апреля 1914 г. (85 лет назад) в 4 часа пополудни на станцию Сергиево прибыла икона преподобного Саввы Звенигородского. Встреченная крестным ходом из Вознесенской церкви, икона была торжественно препровождена в Троице-Сергиеву лавру.

Торжественная встреча иконы преподобного Саввы в Лавре не случайна. Савва Звенигородский — ученик Сергия Радонежского и один из первых, после кончины Сергия, игуменов Троице-Сергиева монастыря, который он воз-

главлял в 1392 - 1398 гг. За Каличьей башней лаврской ограды сохранился родник, традиционно связанный с именем преподобного Саввы Звенигородского.

15 (28) апреля 1904 г. (95 лет назад) в 7.30 утра в Троице-Сергиеву лавру прибыл назначенный командиром Тихоокеанской эскадры адмирал Скрыдлов. После краткого молебна в Троицком соборе адмирал проследовал в келью наместника, где "принял чай и малую закуску". На исходе 9-го часа гость со свитою при колокольном звоне и при криках "ура" собравшегося народа отбыл на станцию.

16 апреля 1919 г. (80 лет назад) из Москвы на жительство в Сергиев Посад переехал известный историк Ю. В. Готье. Здесь, в провинциальном городе, он намеревался спастись от голода и "ужаса московской жизни". Ю. В. Готье снял две комнаты в доме Каптеревых, на Вифанской (впоследствии Комсомольской) улице. В этом доме, принадлежавшем когда-то одному из самых уважаемых городских старост Посада, Н. Ф. Каптереву, Готье прожил 6 месяцев, ведя дневник. Страницы дневника, при всей их субъективности и крайней политизированности автора, а быть может, и благодаря этим качествам — любопытнейший источник по истории нашего города в первые годы советской власти.

Подготовил Константин ФИЛИМОНОВ.

28 июня 1944 г.

На днях в Ильинской церкви было молебствие о победе. Служили на открытом воздухе. Была масса народу. Много приезжих из деревень. Отец Сергей (бывший живоцерковный епископ) сказал отличную проповедь, может быть, даже слишком интеллектуальную для теперешних «православных»...

10 февраля 1945 г.

Дни летят с поразительной быстротой. Недели перелистываются, как страницы. И в году их так немного! И самый год уже не кажется большим томом, а только — тоненькой брошюрой...

Газеты за последнее время полны сообщениями о Поместном Соборе Российской церкви. Фигурируют имена и титулы патриархов и митрополитов. Точно читаешь «Русское Слово» или «Новое Время!» Любопытно было бы знать, с какой усмешкой прочел бы все это покойный Ленин и... Победоносцев, тоже покойный! И все же страна вряд ли стала более религиозной, нежели в 1925-м или 1935 году. Все окружающие меня люди совершенно равнодушны к сущности религии (кроме, конечно, семьи Флоренских), хотя многие внешне любопытствуют относительно того, что творится в Церкви. Но в душе у них нет божественной искры, той искры, которой движется и питается и вера, и вся религиозная жизнь. Это — люди, преисполненные «печалью мира сего» до краев, и «печаль о Боге» им совершенно непонятна, как китайский язык, как душевный мир бушмена...

16 февраля 1945 г.

Вчера был в кино. Видел «Ивана Грозного». Впечатление очень сильное. Особенно хорош артист Черкасов в роли Иоанна. Некоторые детали не верны в чисто археологическом отношении. Но в общем постановка очень сильная. До чего красивы древнерусские одежды и весь тогдашний чин! И как все это далеко от нашей современной жизни. — Невозвратное прошлое! Оно и очаровывает своей величественной красотой, и в то же время недостижимо. Что ушло, того не воротить. Всякие реставрации — только ошибка, которую понимают лишь последствием. Мне понравилось церковное пение, хотя в хоре почти не слышно мужских голосов. Это лишает его величест-

Сергей Александрович Волков, чье 100-летие в марте нынешнего года было скромно отмечено в Сергиевом Посаде узким кругом его друзей — учеников школ и ремесленных училищ, где он с 1920 по 1954 гг. преподавал литературу, русский язык и историю СССР, по воспоминаниям людей, знавших его, был личностью незаурядной. Он обладал энциклопедической памятью, прекрасно знал предмет, был интереснейшим собеседником.

От Волкова осталось большое рукописное наследие: дневники, воспоминания, стихи. Часть их в разные годы уже была опубликована благодаря стараниям историка и писателя Андрея Леонидовича Никитина. Их связывала искренняя дружба, насколько она была возможна при разнице в возрасте, творческих устремлений и обстоятельств жизни. «Значение этой дружбы, — говорит Никитин, — трудно переоценить. Исключительная в условиях провинциальной жизни тех лет библиотека С. А. Волкова, которой я мог пользоваться, а в еще большей степени — его беседы стали тем университетом, который в духовном отношении дал мне неизмеримо больше, чем последующие годы учебы в МГУ».

Благодаря Никитину в журналах «Наука и религия», «Путь», появляются публикации текстов Волкова и воспоминаний о нем. А в 1995 году Никитин издает воспоминания Волкова о Московской духовной академии (1917-1920), в которой Сергей Александрович учился до ее закрытия, а с 1954 года — работал. Эта книга Волкова, названная «Последние у Троицы», с богатым предисловием Никитина, была очень быстро раскуплена и сразу стала библиографической редкостью.

По многочисленным просьбам читателей и по велению сердца Никитин подготовил к изданию более полное собрание текстов Волкова. В новую книгу «Возле монастырских стен» войдут «Последние у Троицы», стихи, воспоминания и дневники разных лет, небольшую часть которых мы предлагаем сегодня нашим читателям.

Сергей
ВОЛКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА. 1944-1946

патриархе Тихоне, об епископах Феодоре, Иларионе, Вассиане, Варфоломее и Иосифе... Невольно возник вопрос: ну а сейчас, Серго, ты не хотел бы быть архиепископом? Подумав, я искренне себе ответил: «Нет!» Что прошло и ушло, никогда не возвращается. И мир церковный теперь для меня только воспоминание и мотив для размышлений. И только. Но отнюдь не тропа жизни.

3 августа 1945 г.

Гремит гром. Он запоздал на сутки: ведь вчера был Ильин день, когда пророку полагалось кататься на своей мифической колеснице по небу. Видно, и на небе не все в порядке, как и на земле. На днях М. А. Гребенщикова и Н. А. Чербова рассказывали мне о своем посещении о. Михаила Соболева. Они в восторге от его материального благополучия и рекомендуют мне шествовать по его стопам. Я им сказал: «А, будучи священником или тем более архиепископом,

радио сообщило о полной и безоговорочной капитуляции Японии. Итак, мое тайное предчувствие меня не обмануло: война длилась только неделю! Сейчас моя Родина стоит на такой высоте, как после побед в 1812 и 1813 гг. Даже выше: авторитет СССР высок теперь во всех частях света. Вот она мощная Советская империя! Ортодоксальные натуры возмущаются таким сочетанием слов и идей. Но это так, и так будет до тех пор, пока около СССР останутся другие империи. Мы изживем империализм, хотя и советский, только тогда, когда весь мир станет единым и Советским. Хочется думать, что в конце концов это осуществится. И только это одно спасет мир от голода и войн. Других реальных способов нет. Есть идеальный — христианство, но две тысячи лет показали, что реально оно не способно устроить жизнь миллионов людей в их взаимоотношениях. Кроме того, христианство, как метод связи с высшим миром, в первую очередь, и как метод домостроительства на земле, во вторую, не едино. Не следует забывать буддизм, конфуцианство, даосизм и ислам. Эти мировоззрения или религия, если угодно, могут еще постоять за себя. Они нужны своим племенам так же, как христианство нам.

3 сентября 1945 г. День Победы.

Наконец-то все войны прикончились. Все в жизни проходит, и эти четыре года войны пролетели, как бы они ужасны и трудны ни были. И сама жизнь проскользнет незаметно, наступит время расставания; и грустно станет, а может быть — и страшно. Посмотрим.

3 октября 1945 г.

Вчера и сегодня солнце, теплая, ясная погода. Вчера вечером у Флоренских]. Разговоры о Лавре, о том, что ее в скором времени передают Патриарху.

27 ноября 1945 г.

Вернулся домой усталый. Электричество еще не включено (жульнически, как и вообще за последнее время). Сажу при копилке. Хорошо, что еще до некоторой степени тепло: вчера топили, да еще плиткой подогреваю еженощно...

Сейчас размышлял, что мы живем прямо-таки по-средневековому: полное отсутствие удобств, обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне; разбой по ночам, лихоемство и ложь кругом, отчаянное одиночество и варварство. Но нет, я ошибаюсь. В истории нет дословных повторов. И если наша эпоха многим напоминает Средневековье, то есть в ней и элементы Возрождения: усиленная научная работа в отдельных оазисах, вроде Академии наук и подобных исследовательских институтах; изумительные мысли, переживания и достижения отдельных лиц. Счастливы те, кто в силах жить так. Вокруг меня нет и подобия такой атмосферы.

Виды Св. - Троицкой Лавры
Духовная Академия.Московская духовная академия в Лавре,
где учился, а позже работал С. А. Волков.

венности и мощи. Я с грустью подумал о том, как печально для меня то, что я за последние два десятилетия лишен возможности присутствовать на церковных богослужениях. Из моей жизни выпал элемент великого строя, который создавался этим неподражаемым и непревзойденным церковным ритуалом. Все, что я видел в Лавре и в Академии, остается в моей памяти, но реальные факты уже не освещают ее.

24 мая 1945 г.

Смотрел фильм «Собор Русской православной церкви». Очень любопытно. Я сравнивал с тем, что видел в свое время с 1914 по 1920 гг. в Лавре и Академии. Какое оскудение сейчас! И хор патриарший, и архиерейский, и размеры храма, в котором происходит церемония — все жалко, убого, как-то провинциально. Фигуры архиереев внушительны, но церемониал служения как-то выглядит скромно. У нас в Лавре и в Академии было несравненно больше стройности, торжественности и величия.

... Возвращаясь домой, я подумал о былых деятелях, которых знал: о

удобно ли будет мне пойти в кино смотреть «Тетку Чарлея», или в лес за цветами, или солидно выпить в компании друзей с шутками и смехом?..» А без этого я, пожалуй, и жить не могу!

Да уж хорошая из меня выйдет духовная персона, если судить хоть по моим словам об Илье-пророке. Нет, Серго, сиди на своем месте и довольствуйся сознанием, что ты учитель учителей и архиерей по чину Мельхиседекову, но признания этого со стороны других не жди и не добивайся, и тем более не суйся туда, куда тебя сама судьба не подталкивает! Прислушавшись к велениям жизни, покорствуй предначертаниям судьбы и будь свободен и счастлив в своем малом мире, в котором, как солнечный луч в призме, преломляются свет, и сверкают дивными цветами теней твоей радужной фантазии! Каждому свое! Твое — великое в малом. Ты это познал до конца и умеешь быть самим собою до конца, без соблазнов и без разочарований!

15 августа 1945 г.

Говорят, что сегодня рано утром

25 декабря 1945 г.

Сегодня весь христианский мир празднует Рождество, и только одно православие стоит в стороне. Как это нелепо! Патриархи и митрополиты летают на самолетах, многие духовные носят в обычное время светскую одежду, а григорианского стиля боятся, как чумы. Уж не потому ли только, что он «григорианский»? — Так и юлианский был создан не православным и даже не христианином. Я что-то совсем позабыл с академических времен, почему мы так цепляемся за старый стиль.

Рождество! Елка, славение Христа и все такое торжественное, а вместе с тем чистое, простое, душевное! Я с наслаждением перебираю в памяти картины детских лет. Становится так ясно и тепло на душе. Вот я теперь совсем уже не православный, не церковник, а все, что связано с юными воспоминаниями о религии, все так прекрасно, так радуется. Слава Богу, что все это было. «Суждено было войти и в эту дверь». И теперь скептик Серго с наслаждением окунается порою в эти пахучие волны, звенящие песнопения, сияния дивных огней.

Будут ли наши дети и внуки так счастливы в годы зрелости и старости, когда захотят вспомнить пору своего детства? И будут ли у них так красивые и очаровательные их образы прошлого?

29 апреля 1946 г.

Светлую субботу встретил в Успенском соборе Лавры, который открылся к Пасхе. Собор освещен электричеством так ярко, как никогда в прежние времена. Народу масса. Служения почти не видел из-за толпы и убожества ритуала. Голосов духовенства и певчих (монахов) почти не слышно: так они слабы и такой шум от разговоров в соборе. Когда вышел с крестным ходом на паперть, то был поражен колокольным звоном. И горько — очень он убог по сравнению с прежним благовестом Лавры («Царя» нет и многих других колоколов!), и сладко — опять звонят! («Приди ты, немощный; приди ты, радостный!» — так и вспомнилось.) Около собора до колокольных сплошная толпа с зажженными свечками. Вечер теплый и тихий. И это было прекрасно и трогательно.

7 июня 1946 г.

Сегодня сидел до двух часов ночи. Это уже суббота, канун Троицыны дня. Говорят, что из Москвы в Лавру идет крестный ход, придут служить патриарх, будут петь Лемешев и Михайлов...

9 июня 1946 г.

Вчера был у всенощной, а сегодня на литургии в Успенском соборе. Служили патриарх, митрополит Николай и еще какой-то епископ. Очень тесно, толкотня, духота. В народной массе мало молитвенного настроения. Преобладает любопытство. Все же «Верую» и «Отче наш» пел весь собор и довольно стройно, хотя и не

так величественно, как это бывало до 1919 г. в Троицком соборе. Вообще, весь церемониал как-то бледнее и скуднее, чем во времена патриарха Тихона или даже московских митрополитов.

Какая-то Равенна времен Теодориха!..

Все навевало на меня грусть. Ушло старое великолепие, ушло и, по видимому, не вернется... Во всяком случае я не доживу до этой поры.

И вспомнились мне служения в нашем академическом храме и в Лавре в прежние времена... Надо будет этим летом записать мои воспоминания того времени, поворочить как следует память. Недаром мне Иларион говорил в 1920 году: «Так служить, как служили у нас в Академии, могли и умели еще разве в 3-х, 4-х местах в России...» Он не указал, где именно, а я не спросил, но, думаю, мне, что он имел в виду академические храмы в С[анкт-]П[етербурге], Киеве и Казани.

6 августа 1946 г.

Вместе с Чербовай, Гребенщиковой и Палкиной был у о. Михаила Соболева в Тарасовке. Прекрасное вино (кагор и портвейн), вкусный сладкий пирог с черносмородиновым вареньем. Радужные хозяева. Ласковый, дружеский прием. Поговорили о церковных делах. Соболев рассказывал, как со своими прихожанами совершил на днях паломничество в Лавру. Сообщил между прочим, что монахи хотят открыть в скором времени бесплатное питание для бедных, как это было при монастыре до 1917 года. Вот это будет крепкая агитация! По дороге наш квартал был, как и обычно, оживлен, много шутили и смеялись. Съездили удачно, без дождя.

18 августа 1946 г.

Сходил в Лавру. Побыл некоторое время на литургии в Успенском соборе. Служил какой-то архимандрит. Народу мало, меньше полсобора. Затем осмотрел в Музее выставку XIV - XVIII вв. Очень хорошо. Впечатление прекрасное. И помещение ризницы весьма подходит к экспонатам. Одно время накрывал было дождик. Но все рассякалось. На небе все-таки облачно. Сейчас сижу и пишу, а окно раскрыто. Небо проясняется. У меня по пути с обеда возникла легкая меланхолия. Тенюлись какие-то не только невыразимые, но и непонятные мне самому воспоминания. Они смутно говорили о таких же чувствованиях в такие же дни. Грустно мое неизбывное одиночество...

4 декабря 1946 г.

...Все чаще и чаще у меня появляются мысли о бренности всего земного. А сегодня, сейчас только что, когда я пил чай и читал рассказ Л. Андреева «Губернатор», вдруг точно осенило меня — стало на миг так ясно, что все — суета сует, что для меня, для моей души, для этого сокровеннейшего существа во мне, которого я сам не знаю, но о котором я знаю, что оно есть, ибо я чувствую его в себе, так вот для этого-то существование основания всей моей жизни вся моя теперешняя жизнь — лишь бремя, лишь одна сплошная суета. Нужно что-то иное, какое-то освобождение. Так не уйти ли в монахи? — Но и в монастыре суета, а подчас большая и худшая, чем в миру. Это я слишком хорошо знаю: наглядялся в свое время в Лавре и в Академии. Или захит подобно лесковским «одному» и «овцебыку»? Хватит ли у меня сил на такое самоуглубление и изолированность? — Боюсь, что нет. Очень уж я слаб да и избалован хотя маленьким, но все же уютным и удобным... И вот я стою на распутье, приближаясь к пятому десятку. Поистине чисто русское положение и состояние духа. У европейцев, наверно, этого не случается. Да и у большинства моих современников и даже сверстников этого нет. Все это происходит потому, что я так не похож на остальных, — «человек особой породы», как сказал мне один из учеников А. Жаров. В этом есть своеобразная услада, но и сильная горечь. Последней, пожалуй, больше. Видно, лучше, удобнее, выгоднее быть попроще, поглупее, может быть, зато — покрепче, поустойчивее. Но уж выше себя самого (особенно — своего внутреннего существа, т. е. души) не прыгнешь!

(Окончание.)

Начало в № 42 от 17 апреля.)

Теперь, когда Мамонтов — предприниматель одержал победу, слово взял Мамонтов-художник. Проезжая по Северу, он был поражен его неповторимой красотой, о которой в Центральной России не имели и понятия, а местные, похоже, присмотрелись и не примечали, не ценили. Тогда с дороги он писал своей жене Елизавете Григорьевне: "Тебе с девочками непременно собраться сюда как-нибудь, и именно проехать по Двине, и вы вернетесь более русскими, чем когда-либо". При этом Савва Иванович, как он отмечает в другом письме, вспоминал Коровина и "жалел, что его не было с ним", поскольку тот "плакал бы от восторга, смотря на эти чудные тона, на этих берендеев". Мамонтов сокрушался: "Какая страшная ошибка искать французских тонов, когда здесь такая прелесть". И сразу же по приезде в Москву Мамонтов решает воплотить в жизнь мечту, к которой он подступался уже давно.

Он решает послать двух неразлучных друзей — Коровина и Серова — по пройденному им пути, по Двине. Верит, что они вернутся из этой "командировки" полные впечатлений, с массой этюдов северной природы. И пусть эти работы, решает Мамонтов, украсят вокзалы Северной дороги, пусть люди учатся видеть красоту, их окружающую, пусть они — хотя бы вот так, на вокзалах, — познакомятся с настоящим искусством.

Почему в конце концов для того, чтобы увидеть работы лучших русских художников, нужно непременно ехать в Москву или Питер? Почему не сделать так, чтобы железные дороги были не только средством перевозки людей и товаров, но и инструментом культуры, средством воспитания общественного вкуса, подъема народного духа и достоинства?

Савва Иванович твердо верил в успех своего начинания, тем более, что Серов уже успел поработать над подобным заказом, сделав для вокзала мамонтовской дороги барельеф Георгия Победоносца, и не ошибся. Художники вернулись из Двинского края с целым собранием полотен с картинами северной природы, которые имели огромный успех на Периодической художественной выставке. Он был столь велик, что до вокзалов эти работы так и не дошли: почти все они находятся сейчас в Третьяковской галерее и в Русском музее. Мамонтов сумел увлечь своей идеей — новые железнодорожные вокзалы как постоянно действующие художественные выставки, помещенные в самую гущу народной жизни, — другого художника, В. Васнецова. Тогда, весной 1880 года, молодой художник переживал тяжелый кризис: творческий конфликт и разрыв с передвижниками, одиночество, безденежье, сомнения в собственной творческой состоятельности. Верный своему принципу собирать вокруг себя не картины, но таланты, которым нужно лишь помочь раскрыться, Савва Иванович приобидил молодого мастера, предложил сюжеты для его новых картин и оплатил их авансом. На сей раз речь зашла о другой мамонтовской дороге, Донецко-Мариупольской, которая вошла в строй в 1882 году, связав 500 верстами пути Донецкий угольный бассейн и Мариупольский порт. Со строительством железнодорожного пути чрезвычайно перспективный район юга России вышел на качественно новый уровень развития. Хотя и эта стройка обрела немало критиков, Савва Иванович знал, что делал. Потому хотел, чтобы перспективы этой магистрали были раскрыты в соответствующих картинах-символах, которые, по его замыслу, должны были украсить залы правления Донецкой железной дороги. И Васнецов пишет три картины-панно: "Битва русских со скифами" (прошлое Донецкого края), "Три царевны подземного царства" (богатство донецких недр) и "Ковер-самолет" (образ новой магистрали, символ новых скоростей). Мамонтов не зря "занимался украшательством" своей магистрали, веря, что со временем страна по достоинству оценит то, что он сделал.

Первая мировая война все расставила по своим местам. Раньше

российские власти упорно считали "стратегическими" лишь те дороги, которые, по их мнению, могли сыграть важную роль во время войны, — вели к вероятной линии фронта, обеспечивали подвозку воинских сил, боеприпасов и т. д. Теперь, с началом боевых действий, в полном смысле стратегическими стали две мамонтовские дороги — Северная и Донецкая. Железнодорожные пути, ведущие на Запад, были блокированы линией фронта, и эти дороги стали для России буквально дорогами жизни, обеспечивая стране выход во

оперная постановка... Словом, все это сплошное "любительство" — клеймит рецензент мамонтовскую затею.

Конечно, знания оперной школы у Мамонтова не было, как не было и собственно режиссерской подготовки. Да, основу его труппы составили молодые голоса, не имевшие никакого имени в оперном мире. Но у Саввы Ивановича было главное — безукоризненный художественный вкус, развитый до степени подсознательного чутья, интуиции. (Недаром на

Москве Мамонтова сравнивали с

Петронию — в Москве на Театральной площади.

Патентовать свою театральную эстетику как "метод Мамонтова" Савва Иванович, конечно, и не думал, да и некогда было. Реформируя оперный театр, он ни на минуту не оставлял своих железнодорожных забот. И это "ни на минуту" следует понимать буквально. Работу "Саввы Великолепного" в качестве "человека-оркестра" трудно было бы себе представить, если б не свидетельство очевидца. Вот как описывает художник и архитектор

на в 1909 году и сегодня является библиографической редкостью. И остается только сожалеть, что она оставлена без внимания нашими современниками. Принципиальные положения этой работы, изложенные в главе "Желательные изменения", звучат в высшей степени актуально.

Мамонтов подчеркивает: "Железнодорожное предприятие является предприятием громадной государственной важности, и потому железные дороги всегда должны представлять собственность государства, кем бы они ни строились и кем бы ни эксплуатировались"... Автор убежден, что "эта крупная отрасль государственного хозяйства должна быть источником доходов, и, следовательно, источником облегчения предельного бремени, возложенного ныне на платежные силы населения"...

С именем Мамонтова самым тесным образом связано другое имя: Абрамцево. Это поместье, стоящее как раз на своей, "родной" Московско-Ярославской железной дороге, Савва Иванович купил в 1870 году. Так эта усадьба начала свою вторую жизнь в русской культуре. Именно вторую, потому что первая уже стала фактом. Поместье было куплено у семьи известного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, жившего в Абрамцево до самой своей смерти в 1859 году. У Аксакова подолгу гостили Тургенев, Гоголь, славянофилы братья Киреевские, Хомяков, Самарин и другие литераторы. Мамонтовым, впервые приехавшим в этот дом, показали тщательно сберегаемую "гоголевскую" комнату, как ее уважительно называл старый хозяин...

Савва Мамонтов продолжил и развил славную традицию, с той лишь разницей, что его основные гости, жившие порой месяцами в Абрамцево, — художники, фактически весь цвет русской живописи конца прошлого — начала нынешнего века. Мамонтов хотел лишь одного — чтобы талантливые живописцы могли свободно, не заботясь о бытовой стороне дела, творить, воплощать в жизнь свои давние задумки. Специально для этого хозяин дома строит обширную мастерскую, где работают Репин, Серов, Врубель, Коровин, Нестеров, Полenov, Антокольский, Васнецов. Тут и сыграла свою роль поистине драгоценная для русского искусства черта характера Саввы Ивановича. Трудясь сам, занимаясь лепкой, майоликой или постановкой домашних спектаклей (к которым он писал тексты и в прозе, и в стихах), Мамонтов имел, по словам В. Васнецова, "способность возбуждать и создавать кругом себя энтузиазм: работая с ним, немудрено взвиться по выше облака ходячего". Смело можно утверждать, что не будь этой атмосферы Абрамцева, вдохновляющей роли Мамонтова, никогда не были бы написаны картины, которые сейчас составляют золотой фонд русской живописи.

Дух "мамонтовского кружка" захватывал всех, кто только попадал в его "силовое поле". Здесь слились воедино ученые споры и творческий поиск, заботы о российских дорогах и развитие национальных русских промыслов, живопись и театр, любованье "интимной национальной нотой", говоря словами Васнецова, звучащие повсюду любовь и дружеские узы. Лучшее всего сказал об этом философ Павел Флоренский: "Абрамцево... прежде всего есть духовная идея, которая не уничтожаема... Если будет жива идея Абрамцева, не все погибло".

Идеи, действительно, могут жить вечно. Но лишь при условии, что их жизнь будут поддерживать люди...

Игорь ЯНИН.
Москва.

Мамонтов навсегда

САВВА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

внешний мир, торговлю и военные союзнические поставки. Трудно даже представить, как развивались бы события, если бы этих путей не существовало.

Не случайно самый популярный в тогдашней России журналист Влас Дорошевич отложил в сторону свои фельетоны, непревзойденным мастером которых он был, и написал нечто для него непривычное, прямо-таки хвалебный гимн в честь Саввы Ивановича Мамонтова. В статье под названием "Русский человек" он писал: "Интересно, что и Донецкой, и Архангельской дорогами мы обязаны одному и тому же человеку. "Мечтателю" и "затейнику", которому в свое время очень много доставалось за ту и другую "бесполезные" дороги, — С. И. Мамонтову. Когда в 1875 году он "затеял" Донецкую каменноугольную дорогу, протесты понеслись со всех сторон. "Бесполезная затея". Лесов было сколько угодно: топи — не хочу. "Дорога будет бездорожной". "Не дело". "Пойдем по пустынным местам". Но он был упрям... Когда С. И. Мамонтов на нашей памяти "затеял" Архангельскую дорогу, поднялся хохот и возмущение... И вот теперь мы живем благодаря двум мамонтовским "затеям". "Бесполезное" оказалось необходимым. Что это было? Какое-то изумительное предвидение? Или просто случай?" Надо ли говорить, что мамонтовские дороги блестяще доказали свое стратегическое значение и позже, в годы Великой Отечественной войны?

А пока... "Затеи", вызывающие недоумение современников, продолжают. Хотя дело Мамонтова процветает (например, его чистый доход в 1898 году составил огромную для того времени сумму 5,2 миллиона рублей), он вовсе не намерен вести жизнь рантье — "мы вот сидим, а денежки идут". Это был бы тогда уже другой человек, не Мамонтов. Савва Иванович затевает строительство Московской окружной дороги, создает Московский вагоноделательный завод, чтобы Россия имела свой подвижной состав, занимается добычей руды и производством чугуна, начинает грандиозный экономический проект: создание мощного конгломерата промышленных и транспортных предприятий (промышленно-транспортной группы, сказали бы сейчас). Последнее делается для того, чтобы наладить производство локомотивов в России и сломать наконец монополию инфиর্ম на поставки паровозов в страну.

И параллельно с этим "Савва Великолепный" (так зовут теперь его друзья-художники, по аналогии с Лоренцо Великолепным, герцогом-меченатом эпохи итальянского Возрождения), он же председатель многих акционерных обществ, создает... оперную труппу, первый в России частный оперный театр. Недоумение и шум были немалые.

Многие махали рукой: а, блажь, захотел барин свой "балет" завести... Чудит Савва! Толку не будет, это уж точно баловство. Общему хору вторила и театральная критика, оскорбленная вторжением "дилетанта" в святая святых, в оперную хранилища. В 1885 году, в год дебюта театра, газета "Театр и жизнь" возмущалась тем, что за дело организации оперного театра "берутся люди, вряд ли знающие столь тонкое дело, как

римским по-этом Петронию — арбитром, законодателем вкуса и высшим судьей в вопросах искусства времен императорского Рима. По воспоминаниям москвичей-современников, если кто-то из собирателей предметов искусства привозил очередную красивую диковинку, все говорили как нечто само собой разумеющееся: "Надо показать Савве Ивановичу". Он судил и выносил свой приговор.) И этот вкус Мамонтову подказал, что время старого оперного театра кончилось, он себя изжил.

Тогда певцы императорских театров пели в "лучших" итальянских традициях — играли голо-

сом так, что зритель не мог разобрать ни слова. Спектакль лишь звался спектаклем, на самом деле это была лишь череда арий и музыкальных номеров: солисты вовсе не заботились о том, чтобы сопровождать свое пение хоть какой-то драматической игрой, придать сценическому образу хоть какое-то правдоподобие. Этот разрыв между пением и драматическим искусством решил преодолеть Савва Мамонтов в своей Частной опере. "Петь нужно, играя", — таков был принцип этого театра. И здесь Савва Мамонтов добился своего, хотя и пришлось ему работать в своей опере "всем", как вспоминали коллеги: он режиссировал, дирижировал, ставил голоса артистам, делал декорации. Зато теперь с гордостью говорил: "У меня в театре художники". То есть его актеры стали не лицедеями, но творцами художественных образов. Театр Мамонтова состоялся. Шляпин позднее вспоминал, что именно у Саввы он понял: математическая точность в музыке и самый лучший голос мертвенны до тех пор, пока математика и звук не одухотворены чувством и воображением. Значит, искусство пения нечто большее, чем блеск бельканто. Ну а если школа, пройденная Шляпиным у Мамонтова, стала считаться школой Шляпина, его "открытием", то Саввы ли Ивановича тут вина? Фактически Мамонтов разработал и применил в опере то, что впоследствии назовут "методом Станиславского". Несомненно одно: и Мамонтов, и Станиславский ясно представляли себе, кто есть кто в театре, кто — учитель, а кто — лишь последователь... Да и современникам все было ясно. Тогда говорили, что Мамонтову надо бы поставить четыре памятника: один — в Мурманске, другой — в Архангельске, третий — в Донецке,

В. Д. Полenov и С. И. Мамонтов. 1880-е гг.

Бондаренко сцену завтрака-совещания у Мамонтова: "Представьте себе большую столовую, где висели великолепные панно Васнецова, был огромный камин, цветное стекло. Громаднейший стол, где могли усесться семьдесят, если не восемьдесят человек. У стола Савва Иванович. Вокруг него дети. Кто-нибудь из знакомых художников обязательно: Коровин, Серов, Врубель, часто заходил Полenov. Певцы тут же сидят, инженеры. Разговор происходит перекрестный.

Савва Иванович спрашивает Кругликова (музыкант, сторонник "Могучей кучки"). — И. Янин: "Как партия прошла"? В это время к Савве Ивановичу подходит лакей и говорит: "По телефону инженер спрашивает"... "Скажите, Петербург, 27, Вятка, 11". "Скажите, все готово, можно приступать к настилке полов?" — это ко мне. "Миша, как идет работа с плафоном?" и "Коля, нарисуй стену сегодня же". Тут же инженеру Чоклолову: "Не вышло, не вышло, обещали вы выпустить 17 вагонов, не вышло".

И опять начинается деловой разговор. В это время его спрашивают насчет каких-то акций, он дает распоряжения, говорит: "Нужно телеграмму дать... Пусть ее принесут ко мне, я подпишу"... — и т. д. "Плохо выучили, плохо выучили", — обращается к певце и т. д.

Так что, как видим, Мамонтову было не до теоретизирования. И тем не менее дань теории он отдал — в деле железнодорожном. Справедливо полагая, что со временем проблема взаимоотношений частной инициативы и государственной выгоды в строительстве дорог будет обостряться, Савва Иванович обобщил свой опыт и предложил его русскому обществу в брошюре "О железнодорожном хозяйстве в России". Книга была изда-

К 2000-летию христианства

Владимир ТКАЧЕНКО

ХРАМЫ

СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО РАЙОНА XIV — НАЧАЛА XX ВВ.

Впервые в печати публикуются сведения о храмах, которые возводились на нынешней территории Сергиево-Посадского района с XIV по начало XX века. Материал собран заведующим историческим сектором Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея Владимиром Александровичем Ткаченко. Материал уникален. Он охватывает огромный период — семь веков, составлен по летописям, литературным сочинениям, хозяйственным документам, судебным протоколам, по историям отдельных сел, монастырей, погостов и приходов, архивным материалам консисторий и другим источникам. А источников таких, увы, сохранилось совсем немного. Вода, огонь, стихийные бедствия, люди уничтожили не только храмы, но и книги, хранящие сведения о них. Возможно, что дальнейшее изучение документов дополнит этот свод. На сегодняшний же день он самый полный.

Автор в хронологическом порядке дает краткие сведения о храмах: где, когда и кем возводились, кому или чему посвящались. Это позволит расширить наши представления о том, как идеи христианства постепенно заполняли души людей, влияли на развитие общества и духовную жизнь местного населения.

XIV ВЕК

Появление на территории района первых храмов связано, во-первых, с подчинением местных свободных волостных общин власти московских князей и, во-вторых, с переходом теми или иными путями сначала незаселенных, а затем и заселенных общинных земель в частную собственность. В течение нескольких веков храмы строились в основном новоявленными землевладельцами для себя и своего окружения. Известный исследователь древнерусского языка Е. В. Аничков в свое время писал: "Христианизация деревни — дело не XI и XII вв., а XV и XVI, даже XVII вв." (Аничков Е. В. Язычество в Древней Руси. СПб., 1914. С. 306). Приобретение местного языческого населения к догматике и обрядности христианства завершилось, предположительно, в XVI в., когда все общинные земли перешли в состав вотчин и поместий.

В XIV в. в нашем районе согласно письменным источникам было основано пять храмов.

1. Деревянная церковь в честь Рождества Христова в селе Радонежском на р. Паже, левом притоке Вори.

Точное время ее основания неизвестно. Не позже начала второй четверти XIV в. в Радонежье была построена резиденция наместников московских князей. Рядом с их усадьбой и был возведен храм. Село впервые было упомянуто в духовной грамоте Ивана Калиты 1336 г. Сведения о храме содержатся в Житии преподобного Сергия Радонежского, написанного троицким монахом Епифанием Премудрым в 1418/19 г. Таким образом, в этом году исполняется 580 лет первого упоминания первого храма района в письменных источниках. В главе "О переселении родителей святого" Епифаний писал: "Из-за этого несчастья раб Божий Кирилл выехал из той деревни ростовской, о которой уже говорилось; собрался он со всем домом своим, и со всеми родными своими поехал, и переселился из Ростова в Радонеж. И, пришедши туда, поселился около церкви, названной в честь святого Рождества Христова..."

2. Деревянная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Покровском монастыре на Хотькове на р. Паже, левом притоке Вори.

Точное время ее основания неизвестно. Сведения о храме содержатся в уже упомянутом Житии преподобного Сергия Радонежского 1418/19 г. Следовательно, в этом году исполняется 580 лет со времени первого упоминания в письменных источниках и о первом монастыре района. Монастырь был основан боярином Кириллом для себя и своей супруги в их усадьбе, предположительно, осенью 1340 г. В марте того года умер московский князь Иван Ка-

лита. Все его усилия и средства поглощала борьба за великое княжество Владимирское. В своем завещании он разделил московские земли между тремя сыновьями и женой Ульяной. С этого времени началось полусамостоятельное экономическое, политическое и культурное развитие тех подмосковных земель, которые вошли в состав новообразованных уделов. В уделе княгини Ульяны этот процесс нашел отражение в появлении первых подмосковных монастырей. Самый первый из них был смешанный женско-мужской Покровский монастырь на Хотькове. Таким образом, в 2000 году монастырю и его главному храму исполнится 560 лет.

3. Деревянная церковь во имя Всесвятой и Живоначальной Троицы в Троицком монастыре на р. Кончуре, правом притоке Торгоши.

Храм был поставлен в конце весны — начале лета 1342 г. сыновьями боярина Кирилла в их усадьбе на Маковце. История строительства храма и основания монастыря были рассказаны в Житии преподобного Сергия Радонежского 1418/19 г. Следовательно, в этом году исполняется 580 лет со времени их первого упоминания в письменных источниках.

4. [Деревянная церковь во имя великомученика Георгия Победоносца] близ современной деревни Зубачево на р. Торгоши.

Точное время ее основания неизвестно. Впервые храм был упомянут в одном из хозяйственных документов XV в. Его построили в усадьбе вотчинников Зубачевых, предположительно, во второй половине XIV в. По посвящению престола храма селу усадьба Зубачевых первоначально называлась Юрьевским. В начале XV в. село Юрьевское с тянувшимся к нему деревнями было продано Троицкому монастырю и по своим первым владельцам стало зваться Зубачевым.

5. Деревянная церковь в честь Воскресения Христова в Воскресенском монастыре у истоков р. Кинелки (близ современной деревни Алексево).

Точное время ее основания неизвестно. Первоначальные сведения о храме и монастыре содержатся в копии судебного протокола конца XV в. Как следует из рассказа одного из участников спора, в конце XIV в. землевладелец Никита Камчатый поставил на своей усадьбе храм, принял монашество и священство и стал игуменом в своем монастыре.

Подводя итог, отметим, что из пяти храмов XIV в. два были посвящены господним праздникам.

(Продолжение следует.)

Примечание. В квадратных скобках указано название церкви, известной по названию села. Сама церковь была упомянута в более позднее время.

Э КСПОНАТЫ, которые собирает наш краеведческий сектор, занимающийся изучением местной истории XX века, в большинстве своем не имеют высокой материальной ценности. Фронтонное письмо, старая фотография, местные (и центральные) газеты довоенной и военной поры, игрушки местных мастеров, предметы быта, вышедшие из употребления, имеют иную цену — духовную. Они несут в себе память о прошлом, о событиях, людях, судьбах. Благодарим всех, кто это понимает, кто верит в скорое открытие дома в Овражном, кто верит в наше будущее. И продолжаем открытую в октябрьском номере "Краеведческого вестника" за 1998 год Книгу даров.

Гордеева Галина Павловна подарила музею фотографии 1949 года на спортивную тематику.

Клинушкина Светлана Ивановна принесла в дар сахарницу 1950-х годов, редкую фотографию, табель успеваемости 1950-х годов, старые детские книжки хорошей сохранности и другие предметы.

Бочкова Надежда Кузьминична передала в музейный фонд документы начала XX века, принадлежавшие их семье (актовая бумага, планы земли, завещание, выписка из суда и др.).

Савельева Анна Капитоновна подарила музею альбом фотографий ШРМ № 4, выпел "Победителю социалистического соревнования в честь 50-летия Советской власти".

Мелешко Антонина Павловна подарила Почетную грамоту и редкую фотографию.

Урядова Т. И. пополнила фонд музея редкими предметами — образцами шелковых тканей фабрики Зайцева (31 предмет). Напомним нашим читателям, что фабрика эта была построена в конце прошлого века, в 1930-х годах в ее стенах был открыт завод школьного приборостро-

ения, известный в городе как "Шестой завод".

Столярова Валентина Викторовна подарила предмет, которому могли бы позавидовать многие краеведческие музеи, — венчальное платье начала XX века хорошей сохранности, кофточку начала XX века, накладки на комод и на подушки.

Теперь наш музей имеет целый ряд свадебных предметов начала нынешнего века (икону, венчальные свечи, приглашение на свадьбу, свадебные туфельки, документы о регистрации брака, рождении детей), так что можно подумать о выставке, посвященной свадьбе.

Благодарим всех дарителей и напоминаем о том, что музей в Овражном переулке временно (по причине пожарной безопасности) закрыт для посещения. Но эта временная неприятность отнюдь не говорит о том, что музей не работает. Мы занимаемся научной и фондовой работой, даем консультации и принимаем всех, кто приходит к нам с подарками.

Л. ГИРЛИНА.

Краеведческий отдел приобретет вещи, похожие на те, которые вы видите на снимках.

Настольная лампа

Металлическая кровать

Фотооборудование

Портфель

ПОИСК

ТЕМУ "Свадьба", к которой начал готовиться краеведческий отдел музея-заповедника, на выставке интересно раскрыть в ретроспективе. Ориентировочное название выставки будет таким: "Сергиев Посад. XX век. Свадьба". Выставка получится интересной, если мы покажем свадебные наряды разных периодов. Может быть, у кого-то в доме сохранились платье, труфи, фото... С благодарностью примем фотографии (для снятия копии), приглашения на свадьбу, поздравительные открытки. Подчеркиваем, нас интересуют свадьбы разных периодов XX века: дореволюционная, 20 — 50-х и т.д. годов. Расскажите нам о свадьбах. Наиболее интересные рассказы опубликуем в "Краеведческом вестнике".

По существующим в музее сведениям, театральный коллектив в городе родился в 1870-х годах. Спектакли давали в специально отстроенном здании, располагавшемся в парке "Синяя птица". Был такой в городе парк на перекрестке Рыбной улицы и нынешнего проспекта Красной Армии (позднее на том месте построено красное 5-этажное здание, в котором расположена городская библиотека). В 1929 году театр сгорел. Старожилы рассказывают, что сохранившаяся часть театральной мебели долгое время стояла в фойе городского кинотеатра.

На сегодняшний день наш музей имеет театральную афишу, фотографию народной артистки СССР Гоголевой (она приехала в наш театр на гастроли). И пока больше ничего. Нам интересуют все об этом театре и о других театральных коллективах, выступавших в г. Сергиеве.

Наши друзья — сотрудники историко-художественного музея г. Мытищи — ищут сведения об **Иване Павловиче Воронине**. Он был хозяином кирпичного завода в Мытищах в конце прошлого — начале нынешнего веков. Завод работал до 1917 года, и его владелец был широко известен по всей Ярославской дороге.

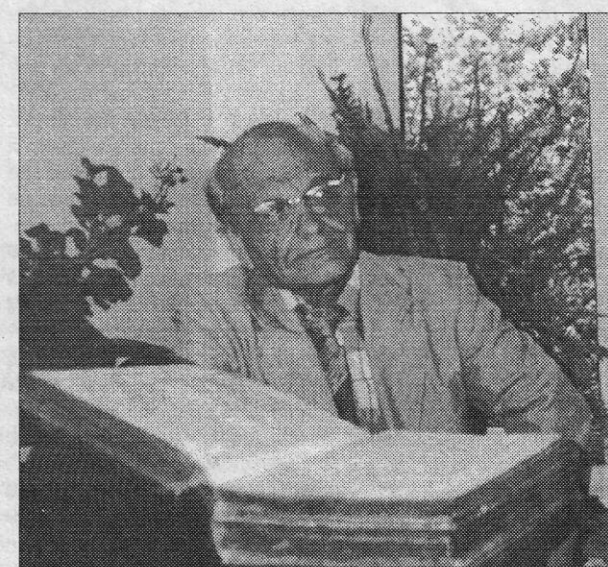
Московские краеведы ищут сведения об **Артуре Уотсе** (англичанин). Известно одно: в 50 — 60-х годах он жил в Загорске.

Заранее благодарим всех, кто помогает нам и нашим друзьям из других музеев. И напоминаем адрес краеведческого отдела музея-заповедника: Овражный переулок, 9а (рядом с клубом трикотажной фабрики). Тел. 4-44-28.

ДРУЗЬЯ МУЗЕЯ

Лев Васильевич Благочев, как добрый Дед Мороз, всегда приходит в музей с подарками. Первый чемодан, который он принес на выставку "Сергиев Посад. Начало XX века", был почти с него ростом. Краеведческие предметы, литературу, документы и фотографии наш бесценный друг собирает давно. И очень рад, что в Овражном переулке есть теперь дом, куда можно сдать свою коллекцию. На память будущим поколениям.

1 сентября прошлого года, в день открытия краеведческого музея, Лев Васильевич пришел к нам не с пустыми руками. Он подарил музею редкую церковную книгу с пометками местного священника. Перед этой книгой мы его и сфотографировали.

"Краеведческий вестник" — приложение к газете «Вперед». Апрель 1999 г., № 2 (50)

Редактор Лидия ГИРЛИНА

Контактный телефон 4-44-28

Учредители:

Муниципальное учреждение «Газета «Вперед» и Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник.

Газета зарегистрирована в Московском региональном управлении Комитета РФ по печати. Регистрационное свидетельство № А-5413.